

18+

Антонина Евстратова

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

Современная проза.
Продолжение книги
«Камышенские сибирячки»

Антонина Ивановна Евстратова
Сильные духом. Современная
проза. Продолжение книги
«Камышенские сибирячки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40275973

ISBN 9785449619822

Аннотация

О молодых женщинах, которые во время ВОВ и после смогли достойно вынести нелегкое бремя, сохранить семьи, любовь и страсть.

Содержание

Глава первая	5
Испытание	5
Глава вторая	12
Чтобы выжить	12
Глава третья	24
Побороть страх	24
Глава четвертая	30
Письмо без марки	30
Глава пятая	40
За так и чирей не садится	40
Глава шестая	44
Поплатиться головой	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сильные духом
Современная проза.
Продолжение книги
«Камышенские сибирячки»
Антонина Ивановна
Евстратова

© Антонина Ивановна Евстратова, 2019

ISBN 978-5-4496-1982-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

Продолжение прозы Камышенские сибирячки

Глава первая

Испытание

Прошел год, как Мария оставила дочь с Матреной, а сама по глупости своей отбывает срок.

Матрена работает в школе рабочей и дежурит по ночам, отапливая всю школу сухим навозом. Моет полы, они деревянные и неокрашенные. Утром возвращается домой и убирается по хозяйству. Иногда задерживалась и просила куму Настасью жену брата, погибшего на фронте, подоить корову.

Тоне шел седьмой год, но она чувствовала себя вдвое старше. У нее появилась жалость к Матрене и желание помогать ей, и вообще она была затейницей.

– Пойду-ка я попробую подоить корову, – сказала она себе, и не было сомнений, что у нее все получится.

Как мать, она взяла лопату, прочистила от снега узкую тропинку до сарая, повесила ведро на руку, чтобы оно не волочилось по снегу, зашла в сарай, положила сено в кормушку, чтобы Розка ела, обтерла вымя чистой тряпкой, присела на стульчик и начала дергать за соски.

Не было страха сесть под огромную корову, она выросла со своей кормилицей, и ласкала ее как котенка, а та в благодарность облизывала ее своим шершавым языком.

Корова спокойно жевала сено и расслабилась. Неизвестно, сколько времени она теребила ее, но корова выстояла, а Тоня выдоила все до капельки, молока было почти полведра, чтобы не разлить, она несла его обеими руками перед собой. На кухне она разлила его в глиняные кринки и поставила в сенцы. Растопила русскую печь и попробовала чистить картошку.

Послышался голос кумы Настасьи:

– Кума, ты уже дома? А я пришла корову доить! Подхожу к избе, из трубы дым валит, уже печка топится, ну, не возвращаться же мне домой! Дай, думаю, зайду, хоть поговорим!

– А мамы нет еще, она на работе! – тихо отозвалась Тоня.

– Ну, вот, хорошо, что я не вернулась, а то корова осталась бы не подоенная! А ты, что сама печку топишь? – изумленно спросила кума.

– Да, топлю, и Розку уже подоила!

– Да, что ты говоришь, подоила? Ой, какая молодец! И корову доит и печку топит и варит! – с иронией проговорила кума.

Ближайшие родственники Тони не воспринимали

ее за серьезную девочку, а наоборот, выдумщицей и несмышленной. Видно это все от ее происхождения, рождения без отца, вместо имени некоторые называли суразкой. А после, как посадили Марию в тюрьму, ее перестали считать личностью. Она понимала это, и старалась никому не докучать.

Кума взяла ведро и пошла в сарай, а Тоня почувствовала себя неуверенной в том, что выдоила все молоко и переживала.

Но кума вернулась быстро и с пустым ведром, села на табурет, светло-карие ее глаза удивленно посмотрели на неё, тонкие губы сложились в трубочку. Она сняла со своей головы теплый коричневый платок, собрала в пучок черные волосы и сказала:

– Никогда бы никому не поверила, что такая маленькая, может, по-взрослому ходить за хозяйством! Хотя, чему здесь удивляться? Мать приучала тебя ко всему, как только ты ходить научилась!

– И, что ты будешь варить? – улыбаясь спросила кума.

– Похлебку, – шмыгая носом, тихо ответила Тоня.

– Ты, что плачешь?

– Нет, не плачу! – она всегда прятала свои слезы, ей хотелось быть такой же сильной как её Маня.

– Дайка мне нож, я помогу очистить картошку, а то ты поранишь руки!

– Нет, кума, я сама!

Она улыбнулась, что, Тоня называет ее кумой, она была крестной Марии и Матрена называла ее так, а Тоня, думала, что это ее имя.

Взрослым было забавным ее обращение к ней, а для Тони она так и осталась кумой, иначе назвать, у нее не поворачивался язык.

Матрена пришла с работы почти к обеду и, заходя в избу, сразу спросила:

– Что кума приходила? Тепло дома.

– Да, мам, приходила!

Мать открыла заслонку в печи и вытащила оттуда чугунок.

– Вот спасибо куме, а я думала, что варить? Принеси, Танина, молоко будем обедать!

Тоня принесла крынку, налила в три кружки и унесла обратно.

Мать ласково посмотрела на нее и похвалила:

– Ты, Танина, стала совсем взрослой, работу мою по дому делаешь, подметаешь, полы моешь! Вот немного подрастешь, будешь корову доить, печь топить и суп варить!

Этого она только и ждала, чтобы похвастаться,

– Мама, а я уже подросла! Корову сегодня сама подоила!

По глазам матери было видно, она ей не поверила.

Но похвалила.

– Ты молодец, Танина, как в той, сказке, о «Емеле и щуке». Помнишь, я тебе такую сказку рассказывала?

– Да помню, но это правда, я подросла! Спроси у кумы, она видела!

– Да я верю тебе, Танина, ты молодец!

Но Тоня знала, мать не поверила,

– Ну и пусть не верит, кума все равно расскажет!

Так и вышло. Вечером она пришла и рассказала все, как было.

– Молодец, Танина, – сказала мать, – теперь я вижу, что ты не только подросла, но и выросла, как наша Маня!

– Как Маня!? – воскликнула Тоня.

– Да, дочь, как Маня, она тоже была такой маленькой и старалась удивить нас с отцом! Ты в нее, такая же! – обратила свой взор на куму.

– Проклятое Богом время, отняло у ребенка детство! Ей бы кума, о куклах думать, а у нее забота, как матери помочь!

– Да, Моть, хорошую помощницу ты себе воспитала!

С этого дня Матрена уже не просила Настасью смотреть за хозяйством.

Утром Тоня управлялась по хозяйству и готовила завтрак Юре.

Он старше Тони на один год и учился в первом классе, не по годам был крупным мальчиком, как мать говорила:

– «богатырь», весь в отца пошел!

Но характер был материн, если, что не по-его, зажигался как спичка, и был беспощаден.

Однажды утром Тоня пожарила ему картошку, и непонятно, откуда в нее попало небольшое пятно чернила. Он кричал на нее и даже набил, сковороду сбросил на пол, и картошка вся рассыпалась по полу.

Ей не так было больно от его кулаков, сколько от того, что картошка была последней в домашних запасах.

– Что теперь я скажу маме? – расплакалась она с причитаниями.

Юра предупредил ее,

– Будешь орать, еще подбавлю!

Она не хотела добавки и замолкала. В детстве они с ним дрались. Он ее колотил, а она пищала и давила на его жалость к себе. Напоминала ему:

– Если бы моя Маня была дома, она бы защитила меня!

Юра всё, что угодно мог пропустить мимо ушей, но таких слов, он не переносил, становился совершенно другим мальчиком, ему было жаль ее, на его больших серых глазах появлялись слезы. Он старал-

ся, не показать себя малодушным мальчиком, вытирал свой курносый нос широкой ладонью, приподнимая его кверху, что помогало ему не расплакаться.

В тот момент, Тоня могла наговорить ему, что угодно:

– И работу по дому за тебя делать не буду, и все расскажу маме! – но никогда не жаловалась матери, потому что знала, быть ему битому.

Глава вторая

Чтобы выжить

До войны в деревне не было школы, и учащиеся ходили за пять километров в соседнее село.

Во время войны школа не действовала, было не до учебы, люди голодали, и не было одежды.

После войны в деревне открыли свою школу, ученики в первом классе были разных возрастов, начиная с семи до 11 лет. Тоне не было еще семи, но Матрена упростила директора школы взять ее в класс не с целью, чтобы учиться, а, чтобы быть рядом с нею.

Тоня же считала иначе, к тому же ей, как и всем ученикам дали тетради, простой карандаш и коробку цветных карандашей.

В классе дети постарше воспринимали ее, как человека второго сорта, каждый старался назвать непристойно, толкнуть, стукнуть, она только успевала удерживаться от толчков, чтобы не упасть.

Наконец, учебный год закончился, всех детей перевели во второй класс, Тоню тоже перевели.

Но Матрена сказала:

– Рано ей во второй, пусть учится со своими одно-

годками, снова в первом классе!

Тоня обиделась на мать,

– Почему мне рано во второй? Если училась не хуже других учеников, а даже лучше!

После ей было понятно, почему мать не захотела ее перевода, она знала, что пришлось девочке пережить за этот учебный год.

Летом Матрена каждый день с утра до вечера делала ремонт в школе, после работы иногда нанималась работать к чиновникам за кусок хлеба.

Голод свирепствовал, и не было ему конца. Семью Матрены выручала кормилица, корова «Розка». Правда, трудно было заготовить сено на зиму.

Но Матрена, сколько было в ней силы? Спать ложилась далеко за полночь и вставала с зарею. Все в руках у нее горело, за что бы ни взялась и пахала, и сеяла и сено на зиму заготавливала. Как говорят:

– Я и лошадь я и бык, я и баба, и мужик!

Тоня с Юрой приходили к ней в поле после обеда, чтобы поворошить, сено и были до вечера, пока не соберут его в копны. На следующий день на двухколесной самодельной тележке, которую сделала сама Матрена, они перевозили его домой километра за три в один конец.

Тоне казалось, что это сено никогда не перевозить. И на самом деле, им нужно было, возить каждый день

по одной тележке в течение всего лета.

Как бы нетрудно было Матрене, она ни разу не пожаловалась, что ей тяжело и ни у кого не просила помощи, а кто нуждался в ее помощи, всем помогала. Но, если ей отказывали в чем-то, и она знала, что не захотели дать, к примеру, лопату или брусок для отбивки косы, тогда лучше им не приходиться к ней, никогда ничего не даст, даже, если есть, это что-то лежит у всех на виду.

Своих детей Матрена учила так же, но в ее смысле было и другое, хлебом насущным поделись с бедным, даже, если он тебе враг и ему хуже, чем тебе, отдай последний кусок, но помоги ему.

Летом осилить голод было легче. В основном дети с раннего утра уходили на холмики небольшой горы, в лога, канавы и ямы, паслись, как травоядные животные, ели все, что считали съедобным. По домам расходились, когда нельзя уже было разглядеть съедобную траву.

Очень трудно было переживать зимы. Народ умирал как мухи, мало кому посчастливилось дожить до весны. Казалось, деревня забытая всеми, будто ее никогда и не было.

Хотя, так сказать «не было» нельзя. Когда началась ВОВ, эту деревню нашли. И прикомандировали специалиста по изготовлению боеприпасов. И маль-

чишек нашли, у которых на губах не обсохло еще материнское молоко, и заставили сутками стоять у станков. Нашли и хлеборобов совсем юных девчат. Они пухли от голода, но работали сутками, спали у тракторов все, что делалось ими, отправляли на фронт. Ни один из них не забывал о своем долге перед Родиной. Они выдержали непосильную ношу.

И теперь, после победы над Гитлером, народ продолжает пухнуть от голода и умирать. О них Родина забыла!

За что воевали и отдали свои жизни их отцы, братья, сестры, дочери и матери? И кто положит этому конец?

Накануне, Матрена сказала:

– Дети, завтра с работы я пойду к управляющему, побелю у него в доме. У нас продуктов совсем нет, он может муки даст или крупы. Я долго не буду, к вечеру думаю, управлюсь! А ты, Танина, смотри за хозяйством.

В этот день Тоня не видела мать в школе, и после занятий пошла домой, сделала все, что нужно было по хозяйству, и натопила русскую печку, она им служила за кровать, на ней можно было поместиться всей семьей.

Зимой на улице быстро темнеет, а когда была непогода, никто без надобности на улицу не выходил.

Мать должна была уже прийти домой, но не приходила.

Тоня забеспокоилась,

– Может, ее встретить, – подумала она и открыла дверь на улицу, но выйти не смогла, перед ней стояла белая стена от порога до крыши.

– Юр, нас снегом завалило! Вставай, будем откапываться, а то мама не сможет, попасть домой!

Юра сполз с теплой печи и лениво вышел в сенцы. Снег оказался мокрым и тяжелым, они с трудом пробили дыру вверх, оттуда было слышно, как выла вьюга, дул сильный ветер, и выбраться наружу было невозможно.

Через короткое время снег снова завалил дыру.

Тоня представила мать, как ей холодно, по ее телу пробежали холодные мурашки.

Матрена была одета в длинную юбку, короткие хлопчатобумажные чулки, подвязанные веревочками выше коленей, без штанов, короткие, почти без подошв валенки, без рукавиц, в теплом платке и изношенной фуфайке, которую уже и заштопать было невозможно.

Мать торопилась домой и угодила в снежную воронку. Снежный столб крутил ее и валил с ног, она падала, вновь поднималась, ее кружило во все стороны, и она потеряла ориентир. Кричала, звала на по-

мощь, но из-за звериного воя ветра никто её не слышал, а может, и слышал кто, только кому хотелось, выходить на улицу в непогоду?

Неизвестно, сколько времени, она боролась, один на один со стихией, всем телом разгребая сугробы мокрого снега, всматривалась в густую колючую поземку, глаза залепляло снегом. Она сняла с головы замерзший платок, и протерла им глаза, надеясь увидеть, какой-нибудь предмет.

Руки ее окоченели и не слушались, своего тела не ощущала, ее клонило в сон, она понимала, что умирает, уже потеряла надежду на то, что сможет, остаться в живых, и дойти до дому. Но мысль, что дети без нее не выживут, встряхнули ее и дали силы.

– Я должна, я обязана выжить! – говорила она себе.

На крыше ее землянки стояла высокая, кирпичная труба от печки. Тоню, как будто, кто подтолкнул подложить в нее еще кизяка, чтобы тепла хватило до утра, навоз задымил и пошел в трубу, только тогда, Матрена смогла услышать запах жженого навоза, она шла на запах, но от перемены ветра он терялся.

– Где-то совсем близко дома, – подумала она и напрягла глаза, увидев еле заметный серый дым, поняла, где находится.

Ей и в голову не пришло, что ее землянка под снегом, а она находится от нее в двух метрах. Она до-

ползла, чтобы удостовериться, не кажется ли ей перед смертью, дотронулась да трубы, она была теплой, и из нее шел запах горелого навоза.

– Господи! Царица Небесная, я дома! Где же, теперь найти вход? Все сровняло снегом, неужели я здесь и умру на своей избе? – она стала ползать по всей крыше.

Тоня с Юрой услышали скрип шагов наверху и стали кричать в пробитую дыру:

– Мама, мы здесь!

Матрена ползла на голос. Провалившись в дыру, она скатилась в коридор как с горки.

Дети волоком затащили её в избу. И то, что они увидели, привело их в шок. Лицо Матрены напоминало снежного человека, длинные волосы замотались вокруг шеи и закрыли глаза, вся одежда на ней стояла колом, она ломалась при сгибе и стучала об пол. Говорить и плакать, она не могла.

Дети обтерли ее сухим грубым полотенцем, снегом натирали руки и ноги до тех пор, пока мать не почувствовало боль.

Затем она попросила налить в тазик холодной воды, чтобы в нее опустить руки, пока утихнет боль. Эту боль не каждый вытерпит без слез. После натерли старым гусиным жиром, случайно сохранившимся до войны. Одели в теплую мужскую одежду, оставшуюся

юся от мужа, и помогли взобраться на печку, укрыли, чем только можно было, и налили кружку горячего чаю заваренного душицей без сахара.

– Мама, давай я буду держать кружку, а ты будешь пить, – сказала Тоня и заглянула в её глаза, в них она увидела страдание и боль. Изумрудный цвет глаз поменялся до черного цвета. Лицо было безжизненным, каменным.

– Да, помоги, Танина, поддержи, – еле проговорила она.

Тоня обратила внимание на её руки, которыми всегда любовалась, длинные, будто выточенные пальчики, как у музыканта, теперь были похожи на поленья, а под ногтями запекшая кровь.

Матрена тихо стонала, скрывая от детей свою боль. В эту ночь, она не спала, а шептала молитвы.

Дети вслушивались в слова и заснули под ее шепот.

Ранним утром они услышали её слабый голос,

– Танина, Юра, – на столе вам по кусочку хлеба. Снег отгребите до сарая. Ты, Танина, подоишь Розку. Бедная наша кормилица, ей давно уже отдыхать надо перед отелом, а мы все тянем, бедные животные, тоже страдают вместе с нами! Господи, когда все это закончится? – голос ее дрожал.

– А ты куда, мам?

– Пойду, дочь, в школу отпрашусь у директора с ра-

боты. Что-то нет сил у меня, как бы не расхвораться!

– А давай я схожу, мам? А ты залезай на печку и отогревайся!

Мать еле заметно улыбнулась,

– Мы с тобой, Танина, поменялись ролями, ты мама, а я дочка!

Она чувствовала, что не сможет сама дойти до школы, и согласилась,

– Ну беги, только поторопись, скоро урок начнется, а звонок на урок дать некому!

В учительскую Тоня забежала, даже не постучавшись в дверь.

Здравствуйте! – сказала она, как выстрелила.

Все учителя мгновенно повернулись, на их плечах накинуты теплые шарфы и платки.

Матрена каждый день с вечера отапливала помещение школы, но из-за того, что с ней произошло, не смогла, в помещении, было холодно.

– Где, Матрена Васильевна? – спросил директор и удивленно посмотрел на Тоню.

Она виновато посмотрела на него. На вид ему было сорок лет, он был высоким, стройным и красивым, черные, густые волосы аккуратно подстрижены, а над карими глазами возвышались черные брови, на его лице была легкая и добрая улыбка.

– Мама сильно заболела, и не может, прийти! – че-

рез слезы проговорила она.

– Что с ней? – вежливо спросил он и стал ее расспрашивать.

Тогда она все рассказала ему, как на исповеди перед батюшкой. Как мать чуть не замерзла, и про то, как они голодают, и что одежды у них нет.

А он все спрашивал и что-то записывал в тетради. А после взял ее за маленькие плечи, посмотрел в ее влажные глаза,

– Маме скажи, пусть не волнуется, отдыхает, как станет лучше, тогда пусть и выходит на работу! Школу отапливать есть кому, так и передай маме, – он достал из кармана конфетку и подал ей, – возьми!

Она взяла, – спасибо, и крепко сжала её в руке.

– А теперь иди домой!

Тоня бежала домой с хорошей новостью, серо-зеленые глаза сверкали радостью.

Матрена лежала на теплой печи, но ощущала холод во всем теле, ей хотелось уснуть, забыться, но мысли о работе не давали ей покоя, она с нетерпением ждала Тоню,

– Вдруг директор не разрешит и уволит с работы, тогда что?

Наконец, дверь в избу открылась и на пороге появилась Тоня, на её лице сияла счастливая улыбка.

– Ну, что сказал директор? – сразу спросила мать.

После её рассказа лицо Матрены помрачнело.

– Как теперь, я буду смотреть ему в глаза? Что он подумает обо мне? Что хожу после работы нанимаюсь, работать за кусок хлеба! Стыд то, какой, Господи! – чуть не плача проговорила она.

– Мам, да все хорошо! Директор дал мне две конфетки! Одну я уже съела, а эта вам с Юрой! – она раскрыла ладонь и подала ей карамельку.

Матрена внимательно посмотрела в ее глаза, и поняла, как ей самой хочется, съесть и, что конфета была всего одна,

– Поддай, Танина, мне нож, я поделю конфетку.

Тоня подала нож и, как кошка запрыгнула на печку.

Юра сидел рядом с матерью и жадно смотрел на конфету.

Матрена разрежала ее на три части и по кусочку дала детям, а третий кусочек завернула в бумажку и положила под свою подушку.

Юра сразу же проглотил свой кусочек, а Тоня свой не могла взять в рот, ей было жалко мать, и расплакалась.

– Ты, что плачешь, танина?

– Алексей Иванович сказал, чтобы и маму угостила!

Что я скажу ему, когда он меня спросит?

Матрена ласково посмотрела на нее,

– Какая ты сердобольная, и не по возрасту мудрая!

Не хотела я сегодня съесть да придется, чтобы ты успокоилась и в кого ты у нас такая жалостливая? – она достала кусочек конфеты и положила себе в рот, – спасибо, дочь, очень вкусно!

– Мама, наш директор школы очень хороший и очень добрый!

– Я знаю, Танина, поэтому и стесняюсь его!

Глава третья

Побороть страх

Зима и голод дополняли друг друга. После случая с Матреной, Тоня с Юрой ходили с ней в школу, Юра очищал снег от крыльца, а Тоня вечерами мыла в классах полы.

Вспоминая это занятие, по её телу до сих пор пронизывает дрожь, полы деревянные, непокрашенные, вода из проруби разбавлена чуть теплой водой.

Она разувалась, смачивала пол водой, становилась на терку, скрученную из проволоки и, шаркала ею доски, в загрязненных местах скоблила ножом, затем смывала водой и вытирала насухо.

Руки и ноги ломило от холода. Матрена специально держала ведро с холодной водой. Тоня становилась в него и опускала в воду руки на несколько минут, пока отступит боль, и никто не думал о последствиях. А после Матрена растирала ей ноги, надевала теплые чулки, нагретые в маленьком чуланчике школьной печи. Эти ощущения ни с чем не сравнить и не забыть.

На переменах, она бегала за водой к проруби, которая была в 100 метрах от школы, до конца уроков, она

успевала залить водой все баки, бочки и ведра, а после уроков снова мыла полы.

Был полдень воскресного дня, Матрена с Юрой отапливали школу, а Тоня осталась дома по хозяйству. Очень хотелось кушать, и никакая работа на ум не шла, а только одно:

– Чтобы съесть, чтобы съесть?

В доме ничего съедобного не было, думай, не думай. Она залезла на печку, свесила ноги на край и смотрела на пол.

Еще до войны в комнате под полом была выкопана яма, в ней когда-то хранили картофель.

Глаза Тони остановились на этой яме, закрытой досками, она вспомнила, как её Маня набирала в ней картошку. Мгновенно в её голове возникла мысль:

– А может, она и сейчас там есть! – взяв с собой небольшой чугунок, через минуту она уже подняла доски и сверху осматривала глубокую темную яму.

Что ей бросилось в глаза, это белые большие шляпы плесени, сплошная и толстая паутина, а на ней большие черные и желтые пауки, чего она больше всего на свете боялась.

Когда в яму попал свет, твари зашевелились, а она отскочила в сторону,

– Ой мамочка! – вскрикнула она, но голод был сильнее страха.

Вооружившись небольшой палкой, она стала бить ею по паутине и паукам, наконец, лаз стал свободен.

Держась руками за края пола, она стала опускаться, яма оказалась глубокой, и её ноги болтались, где-то внизу.

Вдруг она ощутила, по её шее ползет холодный и огромный паук, от страха она лихорадочно завизжала.

Все твари, находившиеся в этой яме, наверное, были оглушены ее криком и перепуганы не меньше чем она, попрятались в свои норки. А она свалилась на дно ямы. Придя в себя, стала искать картофель, обследовала каждый сантиметр дна ямы, но под руку ничего не попадалось.

В яме было очень холодно, она села на корточки, обняла пустой чугунок и сказала:

– Господи, помоги мне найти картошку, у нас совсем есть нечего! – с ее глаз скатились слезы.

Она просидела в таком положении, пока не почувствовала неприятную колику и тяжесть в ногах, когда уже собиралась вылезти из ямы, вдруг увидела в самом углу маленькие тоненькие картофельные стебельки, а под ними небольшой бугорок.

– Господи, откуда он взялся? – спросила она вслух, – я же всю яму прощупала, и ничего не было!

Кустик был один, она подползла к нему и начала

разрывать пальцами землю, нащупала одну картофелину с голубиное яйцо, от радости у нее перехватило дыхание, а сердце стучало так, как у её Мани, когда она прощалась с ней.

Ей попалась еще картофелина, за тем еще и еще! А она гребла под бугорком все глубже и глубже, боялась, вдруг все закончится, и не хватит на ужин. И вот бугорок стал пуст, но и картофеля было, как раз полный чугунок, хотя размер клубней был с голубиное яйцо и мельче, она чувствовала себя счастливой.

– Как обрадуются ужину мама с Юрой! – думала она и посмотрела вверх, – теперь, как выбраться из ямы и не рассыпать картошку?

Попытки выпрыгнуть из нее и ухватиться за край не удавались, наконец, она смогла поставить чугунок наверх и выбралась сама. Не теряя времени, растопила группку, помыла картошку и поставила варить, к приходу матери с Юрой ужин был готов.

Лицо Матрены было угрюмым, она прошла к столу, – Ну, дети, чем вас кормить сегодня? – огорченно спросила она, – в моем кармане даже крошки нет! – она села на табурет, опустила руки.

На лице Тони засияла улыбка, она подбежала к ней, прильнула к щеке.

– Mamочка, не горювай, я картошки сварила в штанах целый чугунок!

Некоторое время Матрена сидела неподвижно, потом посмотрела на сверкающиеся глаза Тони.

Юра подскочил к группке, снял крышку с чугунок и радостно воскликнул:

– Картошка, мам, правда, картошка и горячая!

От удивления мать широко раскрыла глаза,

– Кто дал тебе картошку и за что? – строго спросила она.

Тоня с гордостью рассказывала о своем подвиге, и, как бы снова пережила то время, проведенное в темной яме.

Юра всегда боялся темноты и, при упоминании, больших пауков, да еще ползущих по телу, у него невольно расширялись глаза.

Мать обняла Тоню и погладила кучерявую голову.

– Чтобы я делала без тебя, помощница, ты моя?

После ужина она ласково посмотрела на неё,

– Спасибо, доченька, накормила всю семью! А теперь нам надо, как-то продержаться еще три дня, директор школы обещал привезти продукты, сказал, выхлопотал в районе для сирот, дай Бог ему здоровья!

– Я же говорила, что директор добрый! Говорила? – выкрикнула Тоня.

– Говорила, дочь, а про все, как ты живешь и, что ты сирота говорила?

– Он сам меня расспрашивал, а я ему отвечала!

– Вот видишь, Танина, так Господу Богу было угодно, что вместо меня пошла ты! Он и записал в своей тетрадке все о нас, теперь решил нам помочь! Сама бы я никогда не посмела пожаловаться ему на нашу жизнь! Дай Бог ему здоровья и счастья! Надо же, такой человек! А обращается ко всем на «вы», а к ученикам относится, как отец родной! – она перекрестилась перед образом иконы Пресвятой Богородицы и прочитала молитву за его здравие.

Глава четвертая

Письмо без марки

Прошло четыре года, как Мария отбывала наказание. За это время она не прислала матери ни единого письма, и никто ничего о ней не знал.

Матрена ни одного дня не пропустила, чтобы не почитать молитвы, стоя на коленях перед иконой. Она просила за дочь, о ее благополучие и скорейшего возвращения домой.

И вот в её дом, наконец, заходит почтальонка с платным письмом от Марии.

Как всегда, у Матрены не было ни копейки.

Тоня обежала всех соседей, но денег тоже ни у кого не было. Она просила почтальонку, чтобы поверила на слово:

– Отдадим рубль попозже.

Но та наотрез отказала.

Одна надежда была на Коробовых. Они богатые, у них уж точно есть деньги! – подумала Тоня.

Матрена не любила их за язык, грязь и пьянство.

Но Тоня, минуя разрешения матери, решила все-таки пойти к ним.

В кухне за большим столом сидел мужчина лет сорока, черноволосый с карими глазами и пухлыми губами, одет в рубашку серого цвета. На столе в сковороде лежало жареное мясо, хлеб и бутылка с бражкой. На полу валялась грязная посуда.

Тоня чуть было не наступила в чашку, подняв ее с полу, не знает, куда можно поставить, все вокруг завалено одеялами, одеждой и грязной посудой.

Мужчина усиленно прожевывал мясо, а после пальцем вытаскивал его из-за щеки, снова отправлял в рот и дожевывал. Наконец он заметил её, и недовольно спросил:

– Чете надо? Зачем пришла?

– Дядь, дайте пожалуйста мне один рубль! – дрожащим голосом сказала она.

– Рубль? Хм, рубль ей дай! Зачем тебе деньги? – с ухмылкой спросил он.

– Письмо выкупить, оно пришло без марки, почтальон сказала, не отдаст, если не заплатим!

Он рассмеялся,

– На бутылку бы дал, а вот на письмо не дам!

Тоня подумала:

– Он шутит, – и решила подождать.

Внезапно дверь отворилась и в комнату вошла высокая худая женщина, узел ее синего платка завязан выше уха, и еле держался на косматой черной голо-

ве, из-под носа до верхней губы остался след зеленого табака, она постоянно нюхала его, а иногда и жевала.

Она узнала Тоню. Удивляясь её приходу, спросила,

– Ты к нам, зачем пришла?

– Дайте мне, пожалуйста, один рубль, а мама получит, я вам отдам!

– О! Откуда у нас деньги? – она вытерла табачный нос тыльной стороной руки, – отец, у тебя есть деньги? – обратилась она к мужчине, жевавшему мясо.

– Я уже сказал:

– На бутылку бы дал, на письмо не дам!

– Ну, вот видишь, у дяди тоже нет! – безразличным тоном сказала она.

Тоня металась по своей деревне в поисках несчастного рубля, но долгожданное письмо так и не получили.

Как и обещал директор школы, Матрена получала на Тоню с Юрой каждый месяц продукты и не стала ходить на подработку, завела пять курочек, теперь каждый день одно, а то и два яйца несут.

Но простому народу жить не давали. Каждый месяц приезжали сборщики налогов забирали молоко и яйца. Если не было молока или яиц, забирали деньгами, ну, а если и денег нет, начисляли проценты за недоимку.

Народ был в отчаянии, но пожаловаться было

некому.

Летом Тоня тяжело заболела, у неё было сильное головокружение и слабость.

Матрена щупала ладонью ее лоб, заговаривала молитвами воду и давала пить. В то время все было в руках Божьих.

Она лежала на печи, укрывшись теплым одеялом прислушиваясь к голосам с улицы через открытую дверь.

Ближе к полудню к Матрене пришла ее сестра Аксинья.

– Я слышала, Моть, у тебя Тонька заболела, – просто спросила она.

– Заболела, – с тяжелым вздохом ответила Матрена, – не дай Бог не умрет!

Ответ матери Тоню просто убил, ей казалось, она перестала дышать.

– Мама, моя мама, ты не хочешь, чтобы я жила? Ну, почему? Чем я провинилась перед тобой? – думала она, сердечко у нее забилося, и на глаза накатили слезы, – никому я не нужна!

– Ты, Моть подумай о своем сыне! – продолжала Аксинья.

– Тонька тебе обуза, лишний рот, отдай ее в приют!

– Отдать, Сина, нетрудно, а, что я Мане скажу, когда она вернется домой?

– Так и скажешь, что спасала своего сына от смерти!.. А так они могут оба умереть!

– Ничего, начнется учебный год, директор школы поможет с продуктами!...

– А мы, Моть, сейчас стали лучше жить! Толька с Петькой работают в поле, каждый вечер привозят домой почти по ведру зерна, я развела птицу и поросят держу! Голодом не сидим.

– Да, сестра, а помнишь, как вы с Иосифом еще до войны приехали к нам в деревню из села Турбово? Детей пятеро, один другого меньше ни еды, ни на чем поспать, ничто надеть и обуть!

– Да, Моть, такую жизнь, никогда не забудешь! Настрадались мы, если бы не ты со своим Иваном, нам бы не выжить! Спасибо твоему Ивану, пусть земля ему будет пухом! – она перекрестилась, – нам комнату свою отдали, а сами вы на печке ютились!

– Это хорошо, Сина, что ты добро помнишь. И теперь ты живешь хорошо, а я, бьюсь, как рыба об лед, и помощи мне ждать неоткуда!..

– После короткой паузы спросила:

– А ты, сестрица, не могла бы дать мне ведро корма для курей? С вас не убудет, а нам, какая никакая поддержка!

Аксинья, как бы опомнилась оттого, что наговорила и нахвасталась, стала отговариваться:

– Да сколько там этого зерна? Один мусор, больше разговора! Только везёт и боится, что проверят и осудят! Сама знаешь, Мане твоей считай, ни за что добавили шесть лет! А ты, Мотя, наверное, и не знаешь, – перевела она разговор на другую тему:

– «Мытора» не посадили! Полька его откупила за очень большие деньги. Но его проверяют, на каком фронте был и откуда прибыл к нам! Наверное, еще не скоро выпустят. Вот, Маня, молодец, отомстила этому паразиту!

– Да пусть, он провалится в тартарары! – озлобленно сказала Матрена. – Занялась бы им контрразведка, это пострашнее тюрьмы!

– Ну, я пойду, Моть, а ты Юру пришли попозже, я насыплю ему пшеницы!

– Спасибо, сестра, дай Бог тебе здоровья!

Как, только смерклось, Юра побежал к тетке за обещанным кормом. Вернулся очень быстро, так, как жили сестры друг от друга в метрах пятидесяти.

Он положил сумку к ногам матери.

– Вот, мам, принес!

Она заглянула в сумку, – что ты принес мне, сынок? – лицо ее побледнело, – откуда тетя насыпала зерно?

– Она не насыпала, а вынесла ведро из сарая и высыпала в нашу сумку, – виновато проговорил он.

Ничего, не говоря, Матрена взяла сумку и пошла к сестре.

Юра побежал следом за ней.

Аксинья знала характер сестры, и поджидала ее у своего крыльца, недовольно разговаривая сама с собой:

– Ничего сказать нельзя, сразу начинают жаловаться, клянчить!

Матрена была в гневе, и решила высказать сестре все, что думает о ней. Она почти вплотную подошла к Аксинье и высыпала ей под ноги содержимое сумки,

– Это тебе, сестра, сдача! Надеюсь, ты не забыла эту сумку? В ней, мой покойный, украдкой от меня носил тебе продукты, а – я, от него носила, так же украдкой, кормили тебя и твою семью! Когда вы строили себе вот эту землянку, в которой ты благодаря нам сейчас живешь, кто вам горбыли доставал? Кто на горбу носил и помогал строить? Твой Иосиф даже не знал, с какой стороны гвоздь забить! И у тебя руки не оттуда выросли! Я своими руками выравнивала твою землянку, привела в Божеский вид, видать память у тебя отшибло, дорогая сестрица! У вас, даже огорода не было, кто тебе вспахал огород, и кто засеял его своей картошкой, забыла?

– Я знала, что ты будешь мне упрекать, уже, сколько лет прошло, а ты все по глазам бьешь своими про-

дуктами! Ты же видела, как нам было трудно?

У неё задрожал подбородок, а из черных хитрых глаз брызнули слезы.

– Нет, сестра, я не упрекаю тебя! Было нам, чем помочь тебе, мы помогли ну и, слава Богу! А вот за твою щедрость спасибо! Зачем ты насыпала ребенку мусор? Лучше бы сказала, что нет зерна!

– У нас и, правда, нет!

– Нет? – Матрена оглянулась на Юру, – залезай, сынок, на бричку, посмотри в ящике, есть зерно или пусто! Не уходить же нам с пустыми руками, тем более тетя Сина сама хотела дать! Матрена не помнит себя такой решительной и наглой, что очень удивило сына и даже её саму.

Юра, как котенок запрыгнул на бричку, поднял крышку,

– Мам, пшеницы полный ящик!

Она бросила ему сумку,

– Набирай, сынок, полную!

Аксинья набросилась на сестру, ухватила за волосы,

– Я тебе наберу!

Юра набрал пшеницы, подбежал к матери, чтобы защитить её от злой тетки, но не знал, как. Он с силой потянул её за юбку, она расслабила руки и Матрена отскочила от нее. Взяв сумку с пшеницей, отошла

в сторону, за что услышала скверную брань Аксиньи.

– Вы нищие! Вы воры и убийцы! Я пожалуюсь на вас!

– Иди, сестра, жалуйся, только спрячь пшеницу подалее, не то срок заработаешь, да и мы может, еще придем за пшеницей!

– Воровка, оборванка, да, чтоб вы подавились этой пшеницей!

– Не подавлюсь, сестра, не твое зерно взяла! Бог видит, кто кого обидел!

После встречи с сестрой, Матрена вела себя, как-то по-другому. По своей натуре, она была молчаливой и очень строгой. Теперь ко всему этому добавилась озабоченность и вина за то, что она обидела сестру, высказала ей то, что та забыла о том, что не должна была забывать. Она была очень огорчена своим поступком и не знала, как избавиться от стыда, упрекала себя:

– Пшеницу нагло набрали, и как я могла дойти до такого уровня? Хотя сердцем понимаю, что поступила правильно.

– Мама, ну пшеница же не тетина и мы не воровали, а просто взяли! Я теперь каждый вечер буду ходить к ним за пшеницей!

– Что ты, сынок, никогда этого не делай! Мне хотя бы этот позор пережить, и зачем я связалась с ней?

Да, и тетя, теперь замок на ящик повесила, или сама будет сидеть на нем ночами! – она усмехнулась и покачала головой.

Глава пятая

За так и чирей не садится

От болезни Тоня оправилась почти через месяц. Стала сама слезать с печи, выходить на улицу.

После слов Матрены:

– «Не дай Бог не умрет», в ее маленьком сердечке затаилась обида, хотя давно поняла, что никому не нужна. Она старалась уединиться от всех родственников и общалась с любимым котом Васькой и короной Розкой. Она заходила в сарай, ложилась в ясли на сено, гладила ее большую голову и чесала за ушами, подолгу разговаривала с ней, жаловалась на своих обидчиков, а она облизывала ее своим шершавым языком, как своего теленка, будто понимала и тревожно вздыхала.

Кот мурлыкал ей под ухо, старательно массируя обеими лапками ее курчавую кипельно-белую голову, и сосал волосы, от чего они становились еще больше закрученными.

Окончательно выздоровев, она погрузилась в свои домашние обязанности. К матери ее отношения не изменились, она, как и прежде любила, и жалела ее,

но слова:

«– Не дай Бог не умрет», останутся в памяти на всю жизнь.

Матрена также работала в школе.

Летом Тоня оставалась дома на правах хозяйки. Пропалывала огороды, их было два, а после поливала грядки, и так было каждый день. Подружек у нее не было. Иногда прибегала к ней Рая – племянница Матрены, но ей было неинтересно, у Тони, постоянно была какая-нибудь работа и она уходила.

Единственным другом и, как Тоня считала её своей сестрой, это была Галина, дочь дяди Вани, ненавидевшего Марию и, конечно же, он ненавидел её.

Тоня не понимала его перемены настроения, когда приходила к ним, хотя ловила на себе его злой взгляд.

Тетя Катя наоборот, была рада ее приходу, она спрашивала:

– Ты, почему так долго не приходила к нам?

– Некогда было, тетя Катя! – оправдывалась она.

– Мать совсем загрузила тебя работой и, в школе ты ей помогаешь и по дому все делаешь, погулять ребенку не дает!

Это был ее излюбленный трюк, похвалить и подготовить ее к работе.

– Да нет, тетя Катя, не всё я делаю, маме тоже достаётся!

– Как всегда при её появлении, у тети сразу находилась работа, она обращалась не к ней, а к дочери.

– Галка, что ты не моешь полы? В доме как в сарае! Я что должна, напоминать тебе об твоих обязанностях? – и шлепнет ей подзатыльник.

Галя посмотрит снизу вверх на мать и промолчит.

У неё полиомиелит с младенческого возраста, передвигается ползком на четвереньках, или опирается на руки, подтягивая заднюю часть туловища.

Тоня понимала, почему тетя Катя заставляла Галю работать именно тогда, когда она приходила к ним.

Она знала ее привязанность и жалость к Галине, и что не бросит ее, пока не поможет. Не поможет, это мягко сказано. Полы были затоптаны потому, что ходили в доме обутыми. Разувались только когда ложились спать, бросая обувь у кровати.

Конечно, эта работа отнимала у Тони немало усилий и времени, но делать, как попало, она не могла. Во-первых, мать ее учила так, чтобы не приходилось краснеть за проделанную работу, а здесь, еще тетя смотрит, как надзиратель. Если вдруг, она делала не по её, тут же ругала Галю, хотя бедняжка не имела к этому, никакого отношения, а просто сидела на полу возле ведра и временами перебрасывалась словами с Тоней.

От волнения Тоня чувствовала себя скованно и жа-

лела, что пришла.

Тетя Катя оставалась довольной ее работой, а после кормила вкусными щами на мясном бульоне, и давала кусочек хлеба. За стол никогда не приглашала, а где-нибудь в закутке или на печке, нальет в чашку, подаст и закроет занавеской, чтобы не видел дядя.

А ей, какая разница, где поесть, наелась и побежала домой! Вообще, по большому счету, спасибо тете, она очень поддержала ее, подкармливала, правда не задаром, но за так и чирей не садится!

Глава шестая

Поплатиться головой

Юра рос, как в сказке ни по дням, а по часам, но был трусливым и глупым. Попал под влияние взрослых деревенских парней, они заставляли его красть. Очень часто Юра не ночевал дома, боялся встречи с матерью, она была строгая и очень жестокая.

И, как в той басне, про стрекозу:

– «Оглянуться не успела, как зима катит в глаза».

Ночью выпал снег.

Утром Тоня вышла во двор, видит на скирду кизяков сидит Юра в изношенной рубашке, босой, ноги красные как лапки у гуся, дрожит от холода, зуб на зуб не попадает.

Сердце её сжалось от жалости, она подбежала к нему,

– Юр, ты, что здесь сидишь, почему в избу не идешь?

– Я маму боюсь, она меня опять бить будет!

– Не будет, я заступлюсь, пойдем, а то совсем замерзнешь!

– Нет, не пойду, лучше ты вынеси мне что-нибудь из обуви!

Голос его дрожал, а зубы цокали, он не мог выговаривать слова.

Она сняла с себя теплый платок и набросила ему на плечи,

– Ты подожди, я попробую, что-нибудь найти.

Вернувшись в избу, она залезла под печку, там лежала старенькая обувь.

– Танина, зачем ты залезла туда? – прозвучал голос матери.

От неожиданности она замерла.

Мать стояла рядом с её ногами и догадалась, что она ищет.

Тоня не знала, что ей сказать, обмануть ее было невозможно, она видела своих детей насквозь, и пришлось признаться честно,

– Ищу калоши для Юры, он разутый, а на улице мороз и снег.

– Ничего ему не носи! – строго сказала она, – он вор, пусть ноги у него отмерзнут, может, не будет воровать!

– Мам, пусть он домой зайдет, он уже ходить не может!

– Тебе вора жалко? – закричала она, – отдай ему свои калоши!

– Они ему маленькие! – заплакала она.

Мать отошла от нее к окну и смотрела на улицу. Ей жалко было сына, но она не знала, как его проучить. Чтобы он не крал, она шла на всё, но ничего у нее не получалось.

Тоня со слезами вышла к Юре, он увидел ее с пустыми руками, и отвернулся.

– Юр, пойдем в избу!

– Не пойду, она меня опять будет бить! – цокая зубами, проговорил он, его серо-зеленые глаза стали темными, а на них появилась слезная пелена.

– Не будет, я заступлюсь, Юр, ну пойдем! – она ухватила за его руку и потянула, – да пойдем же!

– Не пойду, сказал! – он оттолкнул ее от себя, кинул ей платок, спрыгнул со скирды и вприпрыжку побежал по снегу в сторону скотской базы.

Друзья у него были все старше лет на пять, а то и больше, лепили из него всё, что хотели, заставляли красть овощи в чужих огородах и у матери деньги. А если у него что-то не получалось, они его били. Когда удавалось матери поймать его, она также била, он всего и всех боялся.

Матрине было стыдно ходить по деревне, многие жаловались на его проделки.

Дошло и до директора школы, он вызвал её к себе на беседу. Разговор с ним вывел ее из себя.

Юра узнал, об этом и на ночь домой не пришел.

Утром мать, Тоню послала в магазин за хлебом,

– Погоди, дочь, я деньги вынесу, – через минуту она вышла, и Тоня испугалась ее виду, такой она не видела её никогда. Она была растерянная, злая и обиженная, ее изумрудные глаза наполнились слезами.

– Танина, деньги пропали, все до копейки пропали! Их забрал Юра, ах, паразит, поэтому он и домой не пришел! Убью, как обещала, отрублю голову! – решительно сказала она, – а ты не видела, когда он брал деньги?

– Нет, не видела! К нему приходил Фоминских Шурка, о чем-то говорили, а немного позже ушел Юра.

Лицо матери стало мрачным.

– Теперь мне ясно, кому этот паразит отдает деньги! Поэтому он и дома не ночует, ну ничего, сукин сын, от меня никуда не убежишь!

Раньше глубокой ночью Юра, как кот тихонько пробирался в избу и ложился на кровать к Тоне. Она с вечера готовила для него кусочек хлеба и прятала от матери ему под подушку. Он знал об этом и, как только ложился, доставал хлеб, укрывался с головой одеялом и ел. Каждый раз ему удавалось встать раньше матери и убежать, но в этот раз ему не повезло.

Она поймала его уже на выходе и, как ягненка волоком подтащила к столу. На столе лежала толстая ду-

бровая разделочная доска, а рядом с ней острый отточенный топор.

Юра сразу понял, что его ждет, он упирался ногами и вырывался из ее рук.

Мать не выпускала, еще крепче удерживала его. Затем приподняла и придавила его голову к доске.

Юра подобно змеи изворачивался, вырывался, но мать была настолько одержима и готова сейчас же отрубить ему голову. Она взяла топор и замахнулась.

От страха Юра.... Он кричал не человеческим голосом до хрипоты, глаза его покраснели.

Тоня стояла за спиной матери, орала не меньше его и хваталась за её руку с топором.

Рука матери была на уровне головы и могла опуститься в любой момент. Она не слышала крик Тони, не чувствовала, что она тащит ее от стола и хватается за руку с топором.

От злости и отчаяния мать кричала:

– Говори, паразит, кому деньги отдал? Не то отрублю башку!

Тоня увидела перед собой не свою мать, а разъяренного зверя в человеческом облики. Состояние ее было решительным, в этот момент, она не была адекватной и могла бы лишиться жизни своего сына.

– Последний раз спрашиваю, ты мне скажешь или нет, кому отдал деньги? – голос ее срывался, она еще

выше подняла топор и была готова к удару.

– Да, мам скажу! – прохрипел он.

Мать сбросила его с доски и со всей силы ударила по ней топором, от нее сейчас же отлетел отрубленный толстый осколок прессованной доски.

Не было сомнений в том, что точно так же, могла бы отлететь голова Юры. Обессиленный, он свалился рядом со столом.

Матери тоже было плохо, все тело ее тряслось и колотило, как на морозе.

– Танина, дай мне воды, – попросила она осипшим голосом.

Дрожащими руками Тоня подала ей кружку с водой, она пила большими глотками, по ее уже испещренным щекам катились слезы.

Юра был сильно напуган и неподвижно оставался лежать на полу в своей луже.

Мать допила воду и поставила кружку на стол, – ну, рассказывай, сынок, – еле сдерживая спокойствие, сказала она, – кому ты отдавал деньги и зачем?

– Мапочка, прости меня, я никогда больше не буду брать!

– Конечно, не будешь! – криво усмехнувшись, сказала она, – без головы, как возьмешь? Рассказывай, кому отнес деньги?

– Мам, я не хотел, но меня они били, если я не при-

носил!

– Кто они?

– Ванька с Колькой Потаповы, Фоминских и Кривошейцев!

– Почему ты мне не сказал?

– Боялся, они предупредили, если расскажу кому, будут меня бить каждый день!

Мать заплакала навзрыд, ругала своих детей и себя,

– До чего довели мать? Чуть было не приняла грех на душу! У кого ты воровал? Я свой кусок хлеба не ем, вам несу! Работаю с утра до глубокой ночи, чтобы вас накормить! Ты хотя понимаешь, что ты вор? И не просто вор! Ты убиваешь здоровье своей матери! Не станет меня, и ты умрешь, а постарше будешь, станешь убийцей! Да лучше, сынок, я сама тебя убью! Ты меня понял?

– Да, мам, понял, прости меня, мам! – дрожащим голосом от рыдания сказал он.

– Посмотрим, как понял! А теперь, иди на речку помойся, а ты, Танина, помой за ним пол!

После этого стресса Юра не мог сразу встать и пополз к выходу, у порога он поднялся и, качаясь из стороны в сторону, как старичок поплелся к речке. Долгое время он сидел на берегу, закрыв лицо ладонями, и плакал.

То, что произошло в этот день в семье Матрены,

не пожелаешь даже злейшему врагу.

После этого случая, Юра долго приходил в себя. Он избегал встреч с матерью, не выходил на улицу и разговаривал сам с собой.

Мать даже стала опасаться за него, не нарушилась ли его психика.

С того дня прошло два года, изменения Юры происходили на глазах у всех. Он стал бесстрашным и драчунным, в нем появилась необыкновенная сила, сила его отца и вырывалась наружу. В его пятнадцать лет он выглядел на двадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.